

Тамерлан. Правитель и полководец

Автор:

Гарольд Лэмб

Тамерлан. Правитель и полководец

Гарольд Лэмб

Nomen est Omen

Оригинальное беллетризованное жизнеописание выдающегося полководца Тамерлана, правителя Самарканда, чья жестокость стала легендой, чьи владения простирались от Закавказья до Китая, а военные успехи предопределили на века геополитическое устройство экзотического средневекового Востока.

Гарольд Лэмб

Тамерлан. Правитель и полководец

Здесь покоится знаменитый и безжалостный властитель, один из величайших правителей, самый могущественный воин, повелитель Тимур, покоритель Земли.

Надпись на двери мавзолея

Тамерлана в Самарканде

Жажда власти

Пять с половиной веков назад один человек попытался стать властелином мира. Все, за что бы он ни брался, приносило успех. Звали его Тимур.

Вначале этот человек – фигура малозначащая: владелец некоторого количества голов скота и земли – находился в Центральной Азии, на территории, рождавшей завоевателей. Он не был сыном короля, как Александр Македонский, или наследником могущественного племенного вождя, как Чингисхан. Победоносный Александр в самом начале своих походов возглавлял свой народ, македонцев, за Чингисханом шли его монголы. Тамерлану же приходилось спланировать людей вокруг себя.

Одну за другой он разбил армии более чем половины государств мира; разрушал города и восстанавливал их в таком виде, какой ему был угоден. Через контролируемую им территорию проходили торговые караванные пути двух континентов. Под его властью скопились богатства целых империй, которые он расходовал по своему усмотрению. В течение какого-нибудь месяца он возводил на горных вершинах великолепные дворцы. Возможно, больше, чем кто-либо еще в своей жизни, он попытался «объять разом всю эту юдоль печали... и преобразить ее затем в то, что подсказывает сердце».

Это Тамерлан, и таким он известен до сегодняшнего дня. В современных книгах по всемирной истории созданная им империя носит его имя, хотя наши предки пять веков назад называли ее Тюркской империей. Они смутно воспринимали Тамерлана как жестокого и могущественного правителя, надвигавшегося на них через ворота Европы в окружении золотистых шатров и башен из человеческих черепов, светящихся по ночам душами покойников.

Жители Азии гордились им и страдали от него. Враги называли его огромным серым волком, выгрызающим землю, его же сторонники видели в нем льва и завоевателя.

Мильтон, размышляя над легендами о Тамерлане, кажется, извлек из них все самое мрачное и создал величественный образ сатаны.

Буйной фантазии поэтов сопутствовало молчание историков. Тамерлан не поддавался классификации. Он не был отпрыском какой-либо династии, но основал свою собственную. Он не искал Рима, как вождь варваров Аттила, но построил в заброшенном месте пустыни свой Рим. Он создал для себя царский

трон, но большую часть жизни провел в седле. В строительстве он не подражал никаким архитектурным образцам, но творил собственные образцы, похожие на утесы, горные пики или необычный купол, который он наблюдал в Дамаске, прежде чем сжег город. Этот объемный купол, захвативший воображение Тамерлана, стал основным мотивом русской архитектуры и венцом Тадж-Махала, построенного одним из моголов – великих внуков Тамерлана.

Современные историки в эпоху Тамерлана интересовались в основном Европой. Мы знаем, как правил Венецией Совет десяти, как Риенцо стал Муссолини того времени поколением спустя после смерти Данте. Тогда еще писал стихи Петрарка, а во Франции продолжалась бесплодная Столетняя война, в то время как сторонники Орлеанской и Бургундской монархических ветвей спорили в Париже с мясниками при попустительстве полубезумного Карла VI. Тогда Европа была еще весьма юной, поднималась из тьмы Средневековья. Огонь Ренессанса еще не достиг в ней ослепительного блеска.

Взоры европейцев обращались на Восток, откуда шли блага цивилизации – ткани и пряности, шелк, изделия из железа и стали, фарфоровая посуда. Оттуда поступали также золото и серебро, драгоценные камни. На торговле с этими заморскими землями возросло богатство Венеции и Генуи. Арабы создали великолепие Кордовы, Севильи и Испании, а также дворцы Гренады. Полувосточной столицей стал Константинополь.

На Транссибирской железнодорожной магистрали есть каменный указатель, на одной стороне которого написано слово «Европа», а на другой – «Азия». В эпоху Тамерлана этот указатель следовало бы перенести далеко на запад, примерно на 50 градусов по долготе, почти к предместью Венеции. Собственно Европа представляла тогда не более чем провинцию Азии. Провинцию хозяев и крепостных, где города напоминали деревни с жизнью там, как свидетельствуют летописцы, жалкой и убогой.

Мы знаем уклад европейской жизни того времени, но не человека, который появился на свет, чтобы покорить мир. Для европейцев величие Тамерлана казалось неземным, а его власть – демонической. Когда он появился на пороге Европы, местные короли поспешили направить посланцев с письмами «Великому Тамерлану, властелину Татарии».

Английский король Генрих IV, воевавший с немецкими рыцарями за пределами своего королевства, поздравил незнакомого завоевателя с его победами.

Французский король Карл VI послал хвалебное письмо «Выдающемуся победителю и славному князю Тимуру». Предусмотрительные генуэзцы подняли штандарт Тамерлана близ Константинополя, а греческий государь Мануэль обращался к нему за военной помощью. Государь Дон Генрих, милостью божьей король Кастилии, направил к Тамерлану в качестве посланца добродетельного рыцаря Руи де Гонсалеса Клавихо. Этот рыцарь, последовавший за завоевателем в Самарканд, вернулся домой со своим собственным суждением о том, кем был Тамерлан.

«Тамерлан, повелитель Самарканда, завоевал все земли монголов и Индию. Он также завоевал землю Солнца (Хорасан), что является большим приобретением. Он завоевал и привел к покорности Хорезм, а также всю Персию и Индию, вместе с империей Тебриза и городом султана. Он овладел также землей Шелка, вместе с территорией Ворот, малой Арменией, Эрзерумом и землями курдов. Одолевал в сражении государя Индии и отнял у него значительную часть территории. Он разрушил также город Дамаск и покорила города Алеппо, Вавилон и Багдад. Он совершил походы во многие другие земли и владения, выиграл много битв и захватил большие трофеи. Он выступил против турецкого султана Баязита – одного из могущественнейших государей мира, сразился, победил его и взял в плен».

Так писал Клавихо, который видел перед собой Тамерлана воочию и наблюдал при дворе повелителя Самарканда принцесс из монархических семей большинства стран мира, а также послов из Египта и Китая. Он сам, как посланник франков, удостоился обходительного приема, потому что «даже мелкая рыбешка занимает в море свое место».

В блестящей плеяде европейских монархов Тамерлану места не досталось. Страницы исторических трудов оставляют лишь преходящее впечатление внушаемого им ужаса. Но для жителей Азии он остается властелином.

Пять столетий спустя нам очевидно, что он был последним из великих завоевателей. Наполеон и Бисмарк занимают свои ниши в этом отношении. Подробности их жизни известны. Но один из них умер в ссылке, другой же прославился среди лидеров одного государства. Тамерлан создал империю и добивался побед во всех своих войнах. Он умер в походе на последнюю державу,

достаточно мощную, чтобы помериться с ним силами.

Чтобы понять масштаб этой личности, необходимо проследить ее жизнь. А для этого нужно отвлечься от истории Европы и современной цивилизации с ее предрассудками. Нужно взглянуть на Тамерлана глазами людей, скакавших верхом рядом с ним.

Давайте вслед за Клавихо пренебрежем ужасными сценами и башнями из человеческих черепов и проследуем за море мимо Константинополя в Азию, по дороге в Хорасан и Самарканд. Время рождения нашего властелина – 1335 год. Место – земля, по которой течет река.

Часть первая

МАВЕРАННАХР

«Это – одна из четырех рек, которые текут из рая, – рассказывает Клавихо. – А страна эта – очень яркая, веселая и прекрасная».

Сверху безоблачное небо, поодаль горная гряда, над которой возвышается вершина в снеговой шапке, именуемая Его Величество Соломон. У подножий гор раскинулись роскошные луга, по ним струятся потоки воды, все еще не утратившие прохлады после зоны ледников в горах. На высокогорье пасутся овцы, за которыми смотрят пастухи, сидящие верхом на мохнатых, низкорослых лошадях. Ниже в узких горных долинах, близ деревень, в сочной траве разбрелся скот.

Река петляет среди массивов известняка. Более спокойно она течет по протяженной долине, почерневшей от шелковиц и виноградников. От реки отведены арыки к рисовым и ячменным полям, а также посадкам дынь – ирригационные каналы, в которые не спеша поступает вода из черпаков колес, вращающихся со скрипом.

Река Аму с незапамятных времен служила границей между Ираном и Тураном – между югом и севером. К югу расположен Хорасан, земля Солнца, где иранцы, говорящие на персидском языке, издавна возделывали почву. Это чалмоносцы, несчастные люди средневековой Азии с мягким нравом.

За рекой, к северу находился Туран, из глубин которого приходили кочевые племена – скотоводы, коневоды, люди в шлемах. Кроме реки, не имелось никакой границы. Территория к северу от реки называлась Мавераннахр – «та, что за рекой».

Там путники, идущие по дороге в Самарканд, пересекают реку, движутся по лощинам, через густые дубовые леса, попадая в ущелье, между отвесными краями горного песчаника в 600 футов высотой, где над ними потешается эхо. В сумраке этого дефиле красного цвета – Железных Ворот, – в месте, где едва могут разминуться два верблюда, наблюдают за путниками смуглолицые люди, опирающиеся на копья. Это тюркские стражники – крупные мужчины с тонкими усиками, загибающимися к их широким подбородкам, говорящие медленно, растягивающие слова. На них надеты кольчуги, их шлемы увенчаны конскими хвостами.

Первый за Железными Воротами караван-сарай располагался на плодородной территории, которую пересекала маленькая речка и обступали горы. Место, называвшееся Шахрисабзом, Зеленым городом, было обнесено рвом, заполненным водой, а из чащи цветущих смоковниц и абрикосовых деревьев вырастали белые купола гробниц и островерхие минареты, служившие также сторожевыми башнями.

Тамерлан здесь родился. Жилище его представляло собой дом, построенный из дерева и необожженной глины. При доме были дворик и сад, обнесенные стеной. Дом имел плоскую крышу с перилами. На ней мог незаметно поместиться ребенок и слушать в сумерках протяжный зов муэдзина на молитву, пока овцы и крупный рогатый скот сгонялись с пастбищ в стойла.

Сюда приходили также бородатые люди в яркой шелковой одежде, они расстилали свои коврики для сна, толковали о разных событиях и караванах, а также всегда говорили о войне, которая не обходила стороной эту долину.

«У мужчины один путь», – часто слышал Тамерлан.

Он не утруждал себя мыслями о войне – так же как и о значении произносимых мрачным тоном стихов Корана. Слова старших считались законом, но мальчуганам нравилось разглядывать оружие взрослых, рассуждать об остроте лезвия вложенного в ножны клинка или почему сломалось древко копья. Мальчуганы росли среди лошадей и соревновались в верховой езде на лугах, поросших клевером, за дорогой на Самарканд. Они охотились при помощи луков и стрел на перепелов и лисиц, а свою добычу укрывали в горной пещере под выступом скалы. Там они проводили томительные часы в играх в войну, пока собаки спали, а лошади паслись на лугу. Тамерлан главенствовал в этих играх с тремя-четырьмя приятелями.

В играх он был целеустремлен и серьезен, никогда не смеялся. Хотя его кони не относились к разряду породистых, как у некоторых приятелей, но в искусстве верховой езды ему не было равных. Когда же ребята подросли настолько, что им уже доверяли охотничьи мечи, Тамерлан превзошел всех в пользовании этим оружием.

Вероятно, его серьезность проистекала из условий жизни. Мать Тамерлана умерла, когда он был очень юн. Отец, глава монголо-тюркского племени барласов, проводил большую часть времени в беседах со старцами в зеленых чалмах, посещавшими исламские гробницы и приобретавшими тем самым святость. Сын же занимался своими соколами, собаками и общался с приятелями. В доме жили всего лишь двое слуг, конюшня была заполнена лошадьми лишь наполовину. Отец, не принадлежавший к числу правивших ханов племени, жил весьма скромно. Он был воином, отличившимся в битвах.

Мальчик проводил время либо в седле, либо на крыше дома, наблюдая за дорогой в Самарканд. По ней нередко ездили кавалькады богатых персов с вооруженными охранниками, сторожившими хозяйских женщин с лицами, покрытыми паранджой. Тюркские женщины не носили паранджи. Худощавые арабские торговцы сопровождали вереницы лошадей с грузами парчи из Китая, шелковой пряжи или ковров, сотканых на ткацких станках к северу отсюда. По пыльной дороге порой двигались караваны с рабами, нищие с посохами и чашками для милостыни, а также святые старцы, высматривавшие учеников.

Временами показывался еврей со своими мулами или индус, жаловавшийся на афганских грабителей. В сумерки они разбивали палатки рядом с животными и разжигали костры для приготовления пищи, от которых исходил горький запах горелого навоза и полыни. Недалеко присев на корточках, Тамерлан слышал их

разговоры о ценах на рынках и городской жизни Самарканда. Когда отец ругал сына за прогулки к стоянкам караванщиков, тот отвечал:

– У мужчины один путь.

ЛЮДИ В ШЛЕМАХ

Долина и все, что было в ней, составляли наследственное владение племени барласов. Нельзя сказать, что это являлось собственностью племени. Барласы могли заниматься скотоводством и земледелием, владеть скотом, виноградниками и пастбищами, пока были способны удерживать эту территорию от посягательств. Много лет назад хан, живший за горами, передал предкам барласов эту землю, и они, подобно племенам Шотландии, владели ею благодаря силе своего оружия, искусству ремесла и достоинству своих вождей. Это были турки, круглолицые и ширококостные. Бородатые и загорелые, они важно шествовали по земле – если вообще возникала необходимость куда-нибудь идти, – не замечая никого, кроме более важного соплеменника, нежели они сами. Каждый из них имел коновязь выносливых лошадей, привыкших к горной местности. Лишь некоторые из них имели быстроногих племенных скакунов или низкорослых коней, вышколенных на поле для верховой игры в мяч. Поводья у всадников были богато инкрустированы серебром, а седла им нравилось обтягивать шелковой тканью с вышивкой. Беднейший из этих тюрок и не помыслил бы отправиться из своей юрты в мечеть, не оседлав коня.

Они жили в юртах по собственному желанию и согласно обычаю. Использовали изречение: «Трус строит башню, чтобы прятаться в ней». Они же строили юрты, выстланные белым войлоком или укрытые коврами. Многие из них имели жилища в городе, где можно было принять гостей или в случае необходимости укрыть женщин. Столетие назад тюркские племена считались самыми настоящими кочевниками, перемещавшимися по пустыне в поисках пастбищ. Война сделала их предков (людей, порожденных войной) господами на значительной части Азии. Они хорошо знали истинность поговорки: «Песок пустыни уносится легким дуновением ветерка, еще легче развеивается человеческое достояние».

Они буйно пировали, роняя слезы над чашами вина, однако были веселы в битвах. Лишь немногие из них не имели на теле шрамов и рубцов от ран. Немногие также закончили жизненный путь под крышами собственных домов. Как правило, они носили легкие доспехи – стальную кольчугу под развевавшейся накидкой из полосатого шелка. В них жило бессознательное влечение к битвам в пустыне.

Их страстью в период мирных передышек была охота. Они без сожаления обменивали своих овец и скот на охотничьих соколов, которых им приносили горцы. Хороший ястреб прибавлял владельцу достоинства, а уж золотистый орел, способный летать без пары, повышал престиж целой семьи. Некоторые держали охотничьих леопардов, брали их к себе в седло с завязанными глазами и отпускали охотиться за оленями под наблюдением всадников.

Отлично управляясь с длинными увесистыми луками, они сбивали дичь стрелами с двумя наконечниками и даже ходили на тигров. Когда они садились на коврики поесть и запускали свои пальцы в общий котел, к ним подбегали собаки, а ястребы пронзительно кричали на своих насестах. Любимой едой для них были дичь, конина, они питали слабость и к арабской пище – верблюжьей ляжке.

Они восхищались арабскими воинами и, подобно этим кочевникам пустыни, чувствовали себя спокойно только в седле, когда совершали набеги, охотились либо становились под штандарты войны. Большую часть своего времени они проводили при дворе своего хана.

Барласы гордились принадлежностью к военной касте. У них была военная косточка. Породниться с иранскими купцами или земледельцами означало для них утрату своей породы. Вследствие того что барласы не имели привычки к труду, они занимались грабежом на дорогах. Они были чересчур великодушны, но столь же своевольны и жестоки. Расточали или закладывали имущество, чтобы оплатить расходы на пирушки. Долг гостеприимства приводил к тому, что дворы их домов переполнялись паломниками, на угощение которых уходило немало овец.

Были в долине Шахрисабза люди, жившие лучше барласов. К ним относились иранские земледельцы, заботившиеся об орошении своих полей; городские жители, сарты, торговавшие в своих лавках на рынках; представители персидской знати, игравшие в азартные игры в уютных садах и слушавшие чтецов Корана. Эти чалмоносцы следовали предписаниям последнего, в то время

как люди в шлемах придерживались законов, введенных Чингисханом.

Но хуже всего для барласов было то, что они не имели великого хана. Тарагай, бывший когда-то главой племени, отличался мягкосердечием и достоинством. Он наслушался толкователей законов шариата и удалился в монастырь. Тарагай был отцом Тамерлана. Не нашлось другого вождя племени, жившего во дворце из белой глины рядом с Шахрисабзом.

– Мир, – разъяснял сыну Тарагай, – не лучше, чем золотая ваза, полная скорпионов и змей. Я устал от него.

Подобно многим другим отцам, он рассказывал сыну о славе и величии предков, которые хозяйничали на горных хребтах, поднявшихся над пустыней Гоби, далеко на севере. Это были редкие рассказы о языческом времени, и Тарагаю, кажется, нравилось о нем говорить, несмотря на стремление отречься от мира. Он говорил о сонме всадников, постоянно сопровождавших стада овец и других животных, кочевавших с выпадением снега, подстерегавших в засадах вдоль караванных путей и следовавших рысью за рогатыми штандартами в Китай, – об охоте, продолжавшейся два или три месяца на территории степи площадью в 500 миль. Он поведал историю о том, как на могиле вождя принесли в жертву белых коней, как они промчались в небесные ворота, где полыхало северное сияние, – для того, чтобы послужить душам покойников на небесах.

Упоминал он и о китайских принцессах, посылавшихся степным ханам в качестве невест вместе с фургонами, груженными шелком и изделиями из слоновой кости, о том, как ханы-победители пили кобылье молоко из черепов врагов, высланных золотом.

– Это происходило, сынок, – говорил он, – до того как Чингисхан повел монголов в поход для завоевания мира. Этот поход был предписан ему судьбою. Когда к Чингисхану спустился черный ангел смерти, он, вождь, разделил мир на четыре ханства между тремя своими сыновьями и внуком – сыном своего старшего сына, умершего раньше самого Чингисхана.

Чагатаю (внуку) досталась часть земли, на которой мы живем. Но его дети предались пирам и охоте. Со временем они откочевали к северным горам. И хан, тюра (владыка), теперь пирует и охотится там, оставив правление Самаркандом и всем Мавераннахром наместнику-эмиру. Остальное ты знаешь.

Однако, сынок, – закончил он, печально покачав головой, – не уклоняйся от пути, предначертанного Аллахом и его пророком Мухаммедом (да будет мир над ним и его потомством). Уважай ученых сейидов, испрашивай благословения для дервишей. Пусть укрепляют тебя четыре опоры шариата – молитва, пост, паломничество и жалование милостыни.

Тарагай оставил сына заниматься своими делами, но парнишку заметили другие послушники монастыря. Седобородый сейид, обнаруживший Тамерлана в углу помещения за чтением Корана, спросил, как его зовут.

– Тимуром[1 - Тамерлан произносится на европейских языках как Тимур-и-ленг – хромой. Тимур означает «железный». Так и звали Тамерлана до тех пор, пока он не был ранен стрелой в ногу и не стал ходить прихрамывая. Азиатские историки называют его эмиром Тимуром Великолепным, Тимур-и-ленгом же только для поношения. (Здесь и далее примеч. автора.)], – ответил мальчик, поднимаясь с колен.

Потомок пророка взглянул на священную книгу и произнес:

– Держись за исламскую веру, она уберезет тебя.

Тимур воспринял пожелание всерьез и даже забросил на время игры в мяч и шахматы – свои любимые развлечения. Встречая дервиша, сидящего на корточках в тени у дороги, он спешил и испрашивал у божьего человека благословения. Чтение Корана давалось ему нелегко, поэтому он сосредоточивался на чтении одной главы священной книги, пока не осваивал ее полностью.

В семнадцать лет Тимуру нравилось посещать дворики мечети, где собирались имамы, духовные руководители мусульман. Он занимал место позади слушателей, там, где оставляют обувь. Говорят, что как-то его заметил некий Зайнеддин (умный и находчивый человек, настоящий духовный пастырь): позвал юношу к себе, отдал ему свою чалму и кушак, а также кольцо с сердоликом. Тимур запомнил его пытливый взгляд, низкий голос и подарок, вероятно, тоже.

Единственным предводителем барласов оставался Хаджи Барлас, дядя Тимура, который редко показывался в Шахрисабзе. Дядя, совершивший паломничество в Мекку, совсем не интересовался племянником. Это был подозрительный,

импульсивный и мрачный человек, при котором положение дел в племени только ухудшалось.

Большинство знатных людей и воинов племени перешли на службу к эмиру. По совету отца так поступил и Тимур.

ЭМИР САЛИ-САРАЯ

В это время Тимур – пока мы не можем называть его Тамерланом – был праздным юношей, а праздность его выражалась в деятельности. Такова внешность юноши: здоровый, сильный, широкоплечий и высокий. Величаво посаженная крупная голова, высокий лоб, гордый профиль. Черные глаза поворачивались медленно и глядели прямо на собеседника. Широкие скулы и большой чувственный рот, характерные для его расы, свидетельствовали о большой жизненной силе. Энергии в нем было чуть меньше, чем в kloкочущем вулкане. Он не страдал болтливостью, имел глухой проникновенный голос, не терпел дурачеств и пустых жестов.

Известен короткий эпизод из жизни Тимура, когда он в компании товарищей преследовал на охоте зимой оленя. Возглавляя гонку, он встретил на пути широкий и глубокий овраг. Тимур попытался свернуть в сторону, но, когда это не удалось, заставил коня прыгнуть через препятствие. Конь сорвался на дно оврага задними копытами, но всадник успел освободиться от стремян и спрыгнуть на край оврага. Животное погибло, а Тимур обошел овраг стороной, присоединился к своим приятелям и сел в седло другого коня.

Поскольку стало темнеть, всадники повернули домой. Вскоре их поглотили в широкой степи тьма и ливень. Всадники изрядно промерзли, когда им по пути попались темные курганы, похожие на шатры.

– Это песчаные холмы, – предположили спутники Тимура.

Сын Тарагая бросил поводья и вцепился руками в гриву коня. Животное вытянуло шею и заржало. Тимур направился к темным силуэтам курганов и наконец заметил свет. При свете курганы превратились в шатры, покрытые

черным войлоком.

Тотчас юных всадников окружили собаки и люди, принявшие их за налетчиков.

– Вы ошиблись, люди, – сказал им Тимур. – Я – сын Тарагая.

Услышав его слова, обитатели шатров опустили оружие и сменили настороженность на гостеприимство. На костре разогрели в котле мясной отвар. Для гостей расстелили стеганные одеяла. Спать мешали блохи. Тимур вышел из шатра, чтобы разжечь костер и поговорить у мятущегося пламени с гостеприимными хозяевами. Их беседа продолжалась до тех пор, пока уже при дневном свете не утихла буря. Через несколько лет Тимур послал подарки семье кочевников, владевшей черными шатрами.

В ранний период ислама гостеприимство считалось долгом мусульманина и на него отвечали взаимностью. Тюркские племена любили странствовать. Тимур мог рассчитывать на гостеприимство в любом шатре или ханском дворе от Самарканда до Хорасана. Неделями он мог путешествовать с приятелями на расстояние в тысячу миль, по горным дорогам или кромке пустыни имея при себе лишь меч и легкий охотничий лук. Он нередко беседовал с караванщиками-арабами, которым льстило присутствие сына племенного вождя. Горцы, вымывавшие из речного песка крупы золота, рассказывали ему легенды и передавали разные слухи. Он играл в шахматы с предводителями племен в их крепостях.

– Эмир Сали-Сарая хочет тебя видеть, – сообщили ему.

Тимур задумался над тем, что осталось во владении отца. Отары его овец пасли пастухи-соплеменники, получая за это четверть всего количества молока, масла и шерсти. За козами, лошадьми и верблюдами смотрели на тех же условиях. Другого имущества не было.

Уходя на службу к эмиру, Тимур взял с собой несколько лучших лошадей и слугу-подростка Абдуллу, выросшего в его доме. В таком сопровождении он отправился на юг по холмистой местности к большой реке Аму. Вероятно, так же путешествовали при оружии ко двору своего короля молодые дворяне в завоеванной норманнами Великобритании. Разве что ни один дворянин-христианин не ехал верхом в сапогах из мягкой шагреновой кожи и белой

войлочной шляпе с высоким верхом, опоясавшись саблей, в бурке из выделанной конской шкуры и башлыке с концами, закинутыми на плечи, с поясом из плотной кожи, украшенным серебром и бирюзой. И совсем мало юношей-англичан были столь отчаянно одиноки, как Тимур. В поисках приключений он присоединился к воинской рати без предводителя.

- Вместо религии, - резко заметил ему эмир Казган, - братство.

Они говорили на одном из языков тюркской группы, но литературным языком считался для них монголо-уйгурский, распространенный в Центральной Азии и сейчас исчезнувший. Многие барласы, включая Тимура, неплохо знали арабский - азиатскую латынь.

За Тимуром следило много глаз с целью оценить его мастерство верховой езды и умение владеть мечом в поединках. Если бы он не преуспел в этом, то его жизни грозила бы опасность. А ведь Тимур - единственный сын вождя племени Тарагая.

В Сали-Сарае, где в лесном лагере собралось две тысячи соплеменников - молодежь, знать, воины, - никто не помышлял научить Тимура чему-нибудь полезному. И он постигал все сам.

Один из гонцов прискакал с известием о том, что с чужой стороны совершили налет разбойники и увели лошадей. Эмир Казган вызвал к себе Тимура и приказал барласам вместе с отрядом молодых воинов отбить лошадей у разбойников. Тимур немедленно отправился на выполнение задания. Его радовала перспектива мчаться полдня верхом по следам конокрадов.

Ими оказались персы с запада, занимавшиеся по пути грабежом и перевозившие добычу в тюках, нагруженных на угнанных лошадей. Заметив погоню, персы разделились на две группы. Одна осталась с похищенными лошадьми, другая выступила против отряда Тимура. Соратники советовали ему атаковать сначала группу персов, охранявшую груженых лошадей.

- Нет, - возразил Тимур. - Если мы одолеем воинов, остальные разбегутся.

У налетчиков хватило мужества обменяться лишь несколькими ударами мечей с людьми в шлемах, потом они признали себя побежденными и рассеялись.

Похищенное было возвращено владельцам под охраной отряда Тимура. Казган отблагодарил молодого барласа, подарив ему свой собственный чехол от лука.

С тех пор эмир Казган проникся симпатиями к сыну Тарагая и стал благоволить ему.

– Ты потомок Гуригана Великолепного, – говорил эмир, – но ты не тюра, не потомок семьи Чингисхана. Перед тем как ты родился, предок твоего рода Каюли достиг с Кабул-ханом из рода Чингисидов соглашения. Оно состояло в том, что потомки Каюли должны командовать войсками, а потомки Кабула – править в качестве ханов. Их устная договоренность была выгравирована на стальной пластине, которая хранится в архивах великих ханов. Мне рассказывал об этом отец, и это правда. – Потом он прибавил задумчиво: – У меня был лишь один путь. Я шел путем войны и не сворачивал с него. Теперь это делают мои сторонники, прославившие мое имя. Таков наш путь, и другого быть не может.

Тимур знал это. Он знал также, что Чагатай, сын Чингисхана, правил землями, включающими территорию Афганистана к югу и обширную горную местность, что за Его Величеством Соломоном. Через сто лет после этого дети и внуки Чагатая ослабили свою власть над наследием предков. Отдельные монголо-тюркские племена стали фактическими хозяевами провинций, в которых обитали. Великие ханы удалились на север для охоты и пиров. Теперь они появлялись в районе Шахрисабза лишь для того, чтобы пограбить и утащить все, что приглянулось, под предлогом предупреждения возможного мятежа.

Казган был эмиром, главнокомандующим у такого хана, и жил в Самарканде до тех пор, пока ему не надоело отражать различные разбойничьи рейды и пока в нем не созрела решимость восстать против хана. Последовало продолжительное ожесточенное сражение, завершившееся гибелью хана и сделавшее Казгана действительным владыкой Самарканда и областей, заселенных барласами и другими тюркскими племенами. Чтобы почтить обычаи, заведенные Чингисханом, и порадовать воинов, ожидавших от него высоких постов, Казган созвал совет, на котором избрали преемника по линии эмира Самарканда – марионеточного властителя. Казган опекал и защищал его, а эмир не совал свой нос в дела, выходившие за пределы города. Так Казган получил прозвище Созидатель Эмиров.

Как и Тимур, Казган происходил из побочного рода. Он не принадлежал к тюрк, родственникам Чингисхана. Благодаря своей отваге он приобрел немало союзников, честностью и прямоотой завоевал уважение неугомонных племен. После ранения стрелой он ослеп на один глаз, а после колоссального напряжения сил, связанного с подготовкой и руководством мятежом, он посвятил свое время охоте и поднимал свой штандарт только в случае войны. У него не было уверенности в поддержке всех племен, поэтому он весьма ценил помощь, оказанную ему сыном вождя племени – Тимуром.

Другие приближенные Созидателя Эмиров преследовали собственные цели. Они оказывали почести и демонстрировали внешнюю лояльность марионеточному правителю Самарканда только потому, что сами оказались в большом выигрыше от успешного мятежа Казгана. Некоторые из них могли призвать под свои знамена десятки тысяч воинов. Только ум и проницательность позволяли Казгану сохранять власть в своих руках.

Он заметил, что Тимур стал любимцем бахатуров (неустрасимых воинов племени, шедших на битву как на праздник), завоевавших среди соплеменников авторитет своей воинской доблестью.

Сын Тарагая по праву занял среди них достойное место. Вместе с ними Тимур выезжал на выполнение боевых заданий, и по возвращении они, сидя на ковре у Казгана, рассказывали истории о его непреклонности и храбрости.

Казалось, в Тимуре была заложена любовь к опасности и риску. Но кроме того, в критической ситуации он сохранял хладнокровие и рассудительность. «Источник энергии», – говорили о нем бахатуры. Его кипучая энергия позволяла переносить продолжительные, изнурительные походы и бессонные ночи. Тимур обладал всеми качествами вождя, и ему нравилось вести за собой людей. Уверенный в своих силах, он попросил Казгана поставить его во главе племени барласов.

– Не подождешь ли немного? – спросил в ответ Созидатель Эмиров, которому не понравилась просьба Тимура.

Через некоторое время Казган отдал в жены Тимурю одну из своих внучек, принадлежавшую к правившей семье другого племени.

СУПРУГА ТИМУРА

Летопись сообщает, что невеста Тимура была прекрасна, как молодой месяц, стройна и грациозна, как кипарис. Наверное, ей было лет пятнадцать, поскольку она уже ездила с отцом на охоту. Девушку стали называть Алджай Хатун-ага – супругой господина.

В то время тюркские женщины не носили паранджу и не знали уединения гарема. С раннего возраста они привыкали ездить в седле, сопровождая мужей в различных поездках и походах, а также паломничестве. Будучи дочерьми завоевателей, они наряду с мужчинами гордились и наслаждались вольной степной жизнью. Их прабабушки заведовали всем семейным хозяйством, включая дойку верблюдиц и изготовление обуви.

Женщины эпохи Тимура имели и личное имущество – приданое и подарки мужей. Жены знатных мужчин были хозяйками собственных апартаментов, имели во дворцах свои помещения и отдельные паланкины во время походов. В отличие от своих европейских сестер они не занимались вышиванием и ткачеством. Это были спутницы воинов. Они заботились о детях, участвовали в пирах и, если побеждали враги, становились частью их добычи.

Принцесса Алджай прибыла из своего дома на северной границе в сопровождении родственников и рабов. Она представилась Созидателю Эмиров и в это время впервые увидела лицо человека, своего будущего мужа – резко очерченное, бородатое лицо Тимура, прибывшего с бахатурами после очередного рейда на собственную свадьбу.

– Твоя судьба написана у тебя на лбу, – говорили ей ученые люди, – изменить ее ты не в состоянии.

Для Созидателя Эмиров и его соратников свадьба была лишь поводом повеселиться, однако для дочери вождя могущественного племени джалаир начиналась ее судьба. Она отсутствовала, когда перед шариатскими судьями зачитывался брачный договор, под которым, как велит Коран, ставились подписи свидетелей.

Перед свадьбой она приняла ванну в воде, благоухавшей эссенцией розы. Ее длинные черные косы, чтобы сиять шелковистым блеском, сначала смачивались в масле кунжута, а затем в горячем молоке. После этого ее одевали в длинное платье гранатового цвета, украшенное вышивкой из золотых цветов. Платье было без рукавов, как и накидка поверх него из белого шелка и серебряной парчи – длинный шлейф от платья несли ее служанки.

На ее хрупких плечах рассыпалась копна черных волос. С мочек ушей свисали подвески из черного жадеита. Голову украшала шапка из золотой парчи, ее венец покрывали цветы из шелка, плюмаж из оперения цапли спускался сзади к волосам.

В таком облачении Алджай шествовала среди ковров, на которых сидели представители племенной знати, привлекая их внимание. То же повторилось, когда она, переодевшись в платье другого цвета, проследовала в обратном направлении. Даже ее чистую оливковую кожу белили порошком из риса или свинцовыми белилами. Поверх бровей и между ними наносили соком особого растения темно-синюю линию.

Пока мужчины подмешивали к вину спирт, чтобы быстрее захмелеть, а Алджай ходила среди них с бесстрастным лицом, прямая и настороженная, Созидатель Эмиров бросал жменями бриллианты в участников пира. По его знакам нукеры били в окольцованные бронзой седельные барабаны, удары в которые возвещали веселье и войну.

– Пусть Аллах дарует этой паре мир! – кричал Зайнеддин. – И нет бога, кроме Аллаха!

Затем наступило время раздачи подарков, но не невесте, а гостям. Казган поднялся и стал переходить от одной группы гостей к другой. Слуги несли за ним халаты. Некоторым достались сабли, другим – драгоценные пояса. Казган не скупился в одаривании испытанных соратников. Он знал, насколько важна их добрая воля.

Пока представители знати и воины лежали в тени дубовых и ивовых деревьев, сквозь которые пробивались солнечные блики, в довольстве и дремоте на коврах, пришли сказители и расположились на корточках между гостями. Заунывно затренькали струнные инструменты, и мягкие голоса стали

декламировать заученные предания – слушатели живо реагировали на знакомые интонации и жесты. Эти предания они знали не хуже, чем сказители, и чувствовали себя обманутыми, если какая-нибудь фраза из предания изменялась или выпадала из общей тональности декламации. Время от времени они, как и подобает гостям, выражали громкой отрывкой одобрение ходом торжества.

Стало смеркаться, и появились слуги с факелами в руках. Вдоль берега реки и под деревьями висели горящие фонари. Вынесли новые кожаные блюда с едой. Гости приветствовали гортанными звуками дымящиеся части бараньих туш и лошадиные ляжки, а также ячменные лепешки, пропитанные медом.

Среди них вновь проследовала Алджай, чтобы больше не возвращаться. На этот раз она сидела на белом породистом арабском скакуне. Он осторожно ступал по коврам. Через седло была переброшена шелковая попона, концы которой касались земли. Тимур вел скакуна в свою юрту.

Там, вдали от гостей, служанки Алджай помогали ей освободиться от головного убора и платья со шлейфом. Они принесли сундуки с ее одеждой. У служанок вызывал улыбки трепет девушки, когда снимали с нее верхнюю одежду. Она осталась в своих ичигах и нижней рубашке. Густые длинные волосы свободно свешивались вниз.

Служанки согнулись в почтительном поклоне перед молодым господином, бесшумно вошедшим в юрту. Его глаза были устремлены на Алджай. Другие женщины удалились. Несколько спутников Тимура, топтавших у входа в юрту, опустили занавес входного проема и разошлись по домам.

Той ночью Алджай, дежа в объятиях молодого воина, слышала кроме отдаленного шума реки и гомона голосов резкую дробь барабанов.

Она была первой из женщин Тимура, но долго она не прожила. Но пока, кроме нее, никакая другая женщина не делила с Тимуром ложе.

Нет сомнений, что в возрасте между двадцатью и двадцатью четырем годами жизнь казалась Тимуру безоблачной и прекрасной. Он разместился вместе с Алджай в одном крыле дворца из белой глины в Шахрисабзе. Их покои были выстланы коврами по вкусу Тимура, декоративными тканями, вышитыми

серебряной нитью, которые он приобрел во время своих боевых рейдов. Отец выделил ему часть скота и пастбищ.

Казган назначил Тимура мин-баши, командиром тысячи всадников, по-современному – полковником. Тимур принял свою тысячу с большим удовлетворением, заботился о том, чтобы его воины были всегда сыты, сам никогда не садился за еду без того, чтобы несколько из них не сидели рядом. За поясом он держал список имен своих тысячников. Казган, знавший толк в боеспособности войск, позволил его тысяче выступать в авангарде своего войска.

Нередко Тимур отправлялся домой по дороге в Самарканд за день до прибытия туда своей тысячи. При лунном свете клубилась пыль из-под копыт его коня. Он спешил увидеть Алджай и подготовиться к пиршеству со своими соратниками, сопровождавшими его. Тимур любил устраивать пиры в саду Шахрисабза, где было вдоволь чистой родниковой воды. Когда Алджай родила ему сына, он назвал младенца Джехангиром – Властителем Мира. На торжество по этому случаю пригласили всех наместников Созидателя Эмиров. Почтить Тимура приехали все, кроме дяди Хаджи Барласа и эмира Баязита Джалаира, вождя племени, из которого происходила Алджай.

– Тимур воистину сын Гуригана Великолепного, – отзывались о нем гости.

Местные горцы сочинили песни о господине и госпоже, владевших Шахрисабзом.

Благодаря военному таланту Тимура Казган добился новых успехов в западной пустыне и южных долинах. В Сали-Сарай привели в качестве пленника правителя Герата. Созидатель Эмиров был обязан многим бескорыстной службе молодого воина из барласов. Их сотрудничество обещало новые победы, когда произошла ссора Казгана с его эмирами.

Они потребовали умертвить пленного правителя Герата, а его имущество разделить. Казган, однако, дал слово пленнику, что ему не причинят вреда. Когда эмиры стали настаивать на своих требованиях – ведь правитель Герата был старым врагом и довольно богатым, – Казган предупредил его тайком о грозящей опасности. Во время охоты к югу от реки по дороге в Герат пленник был отпущен. Не совсем ясно, сопровождал ли пленника в Герат Тимур, как

утверждает одно предание.

Во всяком случае, он отсутствовал, когда убили его покровителя Казгана. Созидатель Эмиров в это время развлекался охотой к югу от реки в сопровождении нескольких сподвижников. Два предводителя племен, таившие злобу против Казгана, пронзили его своими стрелами.

Узнав об этом, Тимур прибыл на место гибели Казгана. Он перевез тело покровителя за реку и захоронил его в лесу Сали-Сарая.

Затем, прежде чем позаботиться о защите собственного имущества, Тимур переправился снова на противоположный берег Аму и присоединился к воинам, участвовавшим в погоне за убийцами Казгана в горах. Один из старейших обычаев тюрков запрещал им спать под одним небом с убийцей кровника. Двое убийц Казгана не надолго пережили его.

Преследуемые по лощинам и горам, меняя лошадей в каждой деревне, они не смогли уйти от погони. Мстители гнались за убийцами по пятам, блокируя им пути для маневра. Убийц настигли на верхних скалах гор и лишили их жизни короткими взмахами мечей. Покончив с ними, Тимур поспешил в родную долину, где он обнаружил изменившуюся обстановку.

В этой части Азии сын умершего правителя мог наследовать трон лишь в том случае, если отец оставлял ему в наследство крепкое владение, а наследник был способен его удержать. В противном случае на совете влиятельных вассалов бывшего правителя избирался новый. В худшем случае – что было чаще всего – начиналась борьба за трон, который доставался сильнейшему. Среди людей в шлемах ходила поговорка: «Скипетр может держать лишь рука, владеющая мечом».

Сын Казгана, предприняв слабую попытку взять бразды правления Самаркандом в свои руки, потерпел неудачу. Вскоре он бежал из города, предпочтя власти жизнь. Затем в Самарканде появились Хаджи Барлас и хан Джалаир с претензиями на власть над местными тюркскими племенами.

Между тем другие эмиры удалились в свои крепости и стали собирать под свои штандарты воинов, чтобы защищать свои владения и совершать набеги на соседей. Междоусобная борьба одного клана с другим была извечной слабостью

тюрков. По общему согласию они могли следовать за предводителем достаточно сильным, чтобы держать их в повиновении. Но Казгана убили, а Хаджи Барлас и Баязит Джалаир оказались неспособными обуздать этих неукротимых людей.

В это критическое время умер в своем монастыре отец Тимура Тарагай. Большинство барласов последовало за Хаджи в Самарканд. Тимур остался в Шахрисабзе с несколькими сотнями воинов.

Затем в этих местах появился великий хан с севера, наблюдавший из-за гор развитие событий. Помня о мятеже поколение назад, хан привел с собой многочисленное войско, которое набросилось на местность, как стая стервятников на падшую лошадь.

ТИМУР-ДИПЛОМАТ

После нападения хана тюркские эмиры сплотились перед лицом общей опасности. Не стал объединяться со всеми Баязит Джалаир. Он поспешил назад в свой город Ходжент, который располагался к северу от территории барласов на пути нашествия хана. Джалаир преподнес ему подарки и свою готовность покориться его воле.

Хаджи Барлас оказался в это время столь же нерешительным, сколь был импульсивным прежде. Он созвал всех воинов из Шахрисабза и Карши, заявив о своих претензиях на руководство после смерти Тарагая. Затем он раздумал сражаться с войсками хана и известил Тимура о том, что уходит со своими людьми и скотом на юг в направлении Герата.

Однако Тимур не пожелал оставить Шахрисабз беззащитным перед вторгнувшимися северянами.

– Уходите куда хотите, – ответил он дяде. – Я еду ко двору хана.

Тимур знал, что хан с севера, повелитель пограничных монголов, спустился с гор в плодородную долину Самарканда, чтобы восстановить свои прежние права на эту землю, но он склонен был также пограбить. Молодой барлас намеревался

каким-нибудь образом уберечь свою долину от грабителей. Алджай с младенцем Тимур отправил к ее брату, который двигался с войском, спустившись с кабульских гор, к Самарканду. Он мог бы и сам отправиться с ними и таким образом уберечься от неприятеля. Попытка сопротивления нескольких сотен воинов двенадцатитысячной армии пограничных монголов – непростительная глупость. В то же время отец и Созидатель Эмиров предостерегали Тимура против подчинения хану с севера, который мог уничтожить всех тюркских наследников престола и поставить на их место своих людей. Но ведь, в конце концов, хан был титулованным владыкой Тимура – повелителем его предков.

Казалось, Тимур ничего не мог сделать в таких условиях. Его племя, по словам летописца, напоминало орла без крыльев. В Шахрисабзе господствовали страх и неопределенность. Часть воинов, захватив с собой лучших лошадей и женщин, бежали по дороге в Самарканд. Другие, решившие не бросать своего имущества, поспешили засвидетельствовать свою преданность Тимуру и стать под его защиту, видя, что он сохраняет присутствие духа.

– Друзья в час беды – не настоящие друзья, – сказал Тимур. Он не хотел их помощи. Многочисленное окружение из всякого сброда лишь дало бы хану удобный предлог для нападения.

Вместо этого Тимур предпринял кое-какие меры. Он пошел к своему духовнику, мудрому Зайнеддину. Они беседовали вдвоем всю ночь. Содержание беседы неизвестно, но после нее Тимур стал собирать лучшее из своего достояния – племенных лошадей, седла с серебряной инкрустацией и прежде всего золото и драгоценные камни разного рода. Очевидно, Зайнеддин открыл для него и кладовые монастыря, поскольку хан с севера был заклятым врагом шариата и духовных лидеров мусульман.

Вскоре показались пограничные монголы. Их разведчики скакали на низкорослых мохнатых лошадях, уже нагруженных награбленным имуществом, по дороге на Самарканд. Их пики с длинными кисточками сверкали на солнце. За ними, по полям созревшей пшеницы, следовали группы всадников, давая возможность своим лошадям подкормиться. Командир головного дозора, направившись к Белому дворцу, был удивлен появлением молодого спокойного Тимура, приветствовавшего монгола в качестве гостя.

Тимур выставил гостю щедрое угощение, зарезав по этому случаю овцу и молодого бычка. И монгол, низведенный до статуса гостя, только жадно

оглядывал выставленные молодым хозяином яства. Он не позволил своим людям грабить, но потребовал ценных подарков. Тимур удовлетворил и эту его прихоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тамерлан произносится на европейских языках как Тимур-и-ленг – хромой. Тимур означает «железный». Так и звали Тамерлана до тех пор, пока он не был ранен стрелой в ногу и не стал ходить прихрамывая. Азиатские историки называют его эмиром Тимуром Великолепным, Тимур-и-ленгом же только для поношения. (Здесь и далее примеч. автора.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/lemb_garol-d/tamerlan-pravitel-i-polkovodec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)